

Глава 13

Этот день промелькнул, точно в тумане.

Возможно, виной тому был ночной сон, но Сун Бэйяо весь день пребывал в подавленном настроении. Лин Фэн видел это и, хоть на языке его по привычке вертелись колкости, на деле он из кожи вон лез, пытаясь развеселить хозяина.

Снаружи не утихал снегопад, сковывая мир ледяным дыханием. Сразу после обеда Бэйяо заперся в кабинете. Верный слуга несколько раз стучал в дверь, но всякий раз получал отказ: юноша ссылался на занятость и не желал никого видеть.

Сгустились сумерки, принесли ужин, а господин так и не покинул свою обитель. Лин Фэн снова постучал:

— Пора есть, пора есть! На вечер приготовили твою любимую свинину в красном соусе!

Ответа не последовало. Слуга крикнул громче:

— Ну чего ты там затих? С обидой борись, а с едой — не вздумай!

Тишина за дверью заставила его сердце ёкнуть. Почувяв неладное, он рывком распахнул дверь и вошёл. Угли в жаровне давно погасли, и в комнате было едва ли теплее, чем на улице. Хозяин комнаты лежал, уронив голову на стол; глаза его были плотно закрыты, а на щеках горел нездоровый, пунцовый румянец.

Лин Фэн бросился к нему. Лоб юноши буквально пылал. Недолго думая, он вскинул Бэйяо себе на спину, перенёс в главные покои и велел Ли Ляньшэну немедленно звать лекаря Тяня.

Сун Бэйяо метался в беспамятстве. Из-за незаживших ран на спине ему приходилось лежать на животе. Должно быть, он неловко повернулся, потому что вскоре зашёлся в надрывном кашле; казалось, жизнь вот-вот покинет это хрупкое тело. Лин Фэн в отчаянии не находил себе места, но, к счастью, Тянь Тянь прибыл без промедления.

Весть о случившемся вскоре достигла ушей Пэй Цзи.

В это время наследный принц ужинал в столовой. Сидящий напротив Сяо Юнь взахлёб расписывал, какие драгоценные дары он приготовил к завтрашнему празднику: тут были и жемчужины «Хаймин» из царства Юнь, и породистые скакуны из царства Чу. Молодой маркиз говорил без умолку, точно полноводная река.

Его Высочество слушал гостя с холодным, беспристрастным лицом, и трудно было понять, долетают ли до него слова.

В этот момент в залу вошёл Цюй Лань. Его появление заставило юношу осесть на полуслове. Страж склонил голову:

— Ваше Высочество.

Управляющий Чжан, стоявший поодаль, при виде мужчины сразу понял — случилось нечто важное. Наследный принц не любил, когда во время трапезы присутствовало много людей, и ещё меньше жаловал, когда его прерывали.

Пэй Цзи, не отрываясь от еды, спросил:

— В чём дело?

— У бокового супруга внезапно начался сильный жар. Похоже, дело плохо. Лекарь Тань уже у него, — доложил страж.

Рука принца, подносящая ложку с супом, на мгновение замерла. Прежде чем он успел хоть что-то сказать, Сяо Юнь недовольно фыркнул:

— Всего лишь жар, а шуму-то подняли! Лекарь ведь уже там, чего паниковать? К тому же ты разве не видишь, что братец Цзи ещё ужинает!

Цюй Лань не удостоил его ответом, продолжая стоять с низко опущенной головой.

Пэй Цзи помолчал мгновение, а затем обратился к подчинённому:

— Пойди, узнай, каково его состояние.

— Слушаюсь, Ваше Высочество, — тот немедленно удалился.

Молодой маркиз, раздосадованный тем, что его проигнорировали, бросил мужчине в спину гневный взгляд:

— Хм, напрасно стараешься! Братец Цзи всё равно к нему не пойдёт!

Стоявший в стороне дядя Чжан лишь сокрушённо покачал головой. Юноша был слишком юн и капризен; за столько лет знакомства он так и не научился понимать натуру наследного принца.

Цюй Лань был личным стражем Пэй Цзи уже десять лет, он следовал за ним даже в пламя войны. Доверие хозяина к нему было безграничным. Если бы речь шла лишь о том, чтобы «узнать ситуацию», принц никогда бы не отправил туда Цюй Ланя лично.

Разве этот жест не говорил сам за себя?

В главных покоях павильона Яньнуань юноша на постели мучился от боли; его брови были плотно сдвинуты к переносице, а на бледном, точно нефрит, лице проступали капли пота. Тянь Тянь держал его за запястье, и лицо лекаря становилось всё более хмурым.

— Лекарь Тянь, что с моим господином? — в тревоге допытывался Ли Ляньшэн.

— Старая болезнь выиграла, новые раны не затянулись, да ещё и внезапная душевная смута... Всё смешалось воедино и вылилось в этот приступ. Такая болезнь может стать роковой.

Тянь Тянь за двадцать лет врачевания по одному лишь пульсу мог определить, долго ли человеку осталось. Нынешнее состояние больного казалось безнадежным — тут и небожители могли оказаться бессильны. Но лекарь чувствовал на себе чей-то пронзительный взгляд и опасался, что, скажи он правду прямо сейчас, его собственная жизнь оборвётся ещё раньше.

Ли Фэн недоверчиво вскинул брови:

— Сун... мой господин всегда был весел и спокоен! Его как ни задирай — никогда не сердится. Откуда взяться этой «душевной смуте»?

Тянь Тянь не знал, как объяснить это юноше, и лишь спросил:

— Обычно подобные симптомы вызывает внезапное потрясение или нечто такое, с чем разум не в силах смириться. Случалось ли с боковым супругом в последнее время что-то подобное?

Слуга нахмурился, перебирая в памяти события дня. Утром Сун Бэйяо плакал, но ведь это был всего лишь сон. Нельзя же назвать обычный сон великим потрясением?

Всего лишь сон... Что же такое могло ему привидеться, с чем нельзя смириться?

Ли Фэн покачал головой:

— Кажется... ничего такого не было.

Лекарь вздохнул:

— Что ж, для начала я выпишу рецепт, попробуем облегчить его состояние.

Глубокой снежной ночью тёмный силуэт покинул павильон Яньнуань и вскоре предстал в кабинете Пэй Цзи.

— Ваше Высочество, — Цюй Лань опустился на одно колено. — Боковой супруг в тяжёлом состоянии.

Принц продолжал делать пометки в документах на столе.

— Почему так внезапно?

— Лекарь Тань говорит, что на старые недуги наложились незажившие раны, а в довершение — глубокая тоска, что гложет его сердце. Вот тело и не выдержало.

— Глубокая тоска? — Пэй Цзи поднял взгляд. — Известна ли причина?

Страж покачал головой:

— Лекарь полагает, что виной тому некое недавнее событие. Но слуга бокового супруга не может сказать ничего определённого.

Наследный принц отложил бумаги.

— Кого он видел в последнее время?

— По докладам стражи павильона, помимо прислуги, он видел только молодого маркиза два дня назад. Больше никто к нему не заходил.

Мужчина на мгновение задумался и добавил:

— Быть может, виной всему господин Сяо? Стражники упоминали, что в первый же день пребывания в поместье маркиз явился к боковому супругу в весьма надменном расположении духа. Да и два дня назад его манеры были далеки от учтивых. Если он позволил себе лишнего в речах и нанёс глубокую обиду... это вполне могло подкосить и без того слабое здоровье господина Суна.

Когда Цюй Лань замолчал, в кабинете воцарилась тишина. Он осторожно взглянул на господина и увидел, что лицо Пэй Цзи обдало холодом.

— Цюй Лань, ты помнишь, что я говорил тебе прежде?

Сердце стража сжалось. Он осознал, что его слова прозвучали слишком предвзято. Его долг — докладывать беспристрастно и точно, не допуская личных суждений, которые могли бы исказить восприятие принца.

— Это моя вина. Я не должен был строить догадок о молодом маркизе, — мужчина склонился ниже. — Прошу Ваше Высочество о наказании.

— Ты сделал это не со зла. Получишь пять ударов армейской палкой. И позови ко мне управляющего Чжана, — Пэй Цзи закрыл глаза и устало потёр переносицу.

— Слушаюсь, Ваше Высочество.

Вскоре в кабинет вошёл дядя Чжан. Склонившись, он произнёс:

— Слушаю вас, господин.

— Дядя Чжан, говорил ли тебе о чём-нибудь Сяо Юнь в эти дни? — принц задал вопрос нарочито туманно.

Управляющий ответил столь же осторожно:

— Он говорил о многом... И о Вашем Высочестве, и о боковом супруге. Что именно интересует господина?

— То, что касается бокового супруга, — уточнил Его Высочество.

Старик понял:

— Ваше Высочество, вы ведь знаете нрав молодого маркиза. Он на словах не жалуется господина Суна, но вряд ли решится на что-то по-настоящему дерзкое. Однако в последние дни он то и дело твердит, что, когда вернётся в резиденцию маркиза Наньяня, непременно заставит отца просить Императора об указе. Он грезит тем, чтобы войти в ваш дом в качестве законного супруга — наследной принцессы.

Услышав это, Пэй Цзи открыл глаза.

— Он часто твердит об этом?

Дядя Чжан кивнул:

— И всякий раз с такой уверенностью, будто дело уже решённое. Старому рабу не пристало спорить с ним.

Принц помолчал, затем поднялся с места и направился к выходу.

— Дядя Чжан, пойдём со мной.

Управляющий не стал спрашивать куда, он просто последовал за своим господином.

Сун Бэйяо снилось, что он бредёт по безжизненной пустыне.

Вокруг лишь песок, уходящий за горизонт. Над головой пышет жаром солнце, под ногами

горит земля. Он был изнурён, голоден, его мучила жажда, а всё тело, казалось, вот-вот закипит.

Внезапно вдали показался силуэт. Он приближался, и в тот миг, когда Бэйяо уже готов был рухнуть, чьи-то руки подхватили его.

Он разглядел лицо спасителя и едва слышно прошептал:

— Цинь Чжэнь...

В главных покоях павильона Яньнуань маска боли на лице юноши постепенно начала исчезать. Ресницы его дрогнули, и он с трудом разомкнул веки.

Взгляд его поначалу был блуждающим и полным смятения. Увидев человека, сидящего у кровати, он на мгновение посмотрел на него как на незнакомца, но затем закрыл глаза и, открыв их снова, вернул себе привычное выражение.

— Муж мой... — голос Бэйяо был до ужаса сухим и хриплым.

Уже наступил час Свиньи. Все слуги покинули комнату, остались лишь Пэй Цзи и управляющий Чжан.

Дядя Чжан стоял поодаль, давая господам возможность поговорить наедине.

Его Высочество смотрел на Сун Бэйяо. Лихорадка окрасила щёки юноши нездоровым румянцем, а из-за сильного жара в его глазах стояла влага. Уголки век покраснели, и на этом фоне родинка-слезинка делала его лицо ещё более обольстительным.

Очнувшись, Бэйяо несколько раз кашлянул, и на губах его проступила кровь. Пэй Цзи достал платок и протянул его юноше, но тот инстинктивно отпрянул.

На мгновение оба замерли. Принц положил платок на подушку, а Сун Бэйяо, слабо отводя взгляд, прошептал:

— Муж мой, не стоит... Я боюсь заразить вас.

Пэй Цзи молча изучал его. Последние два дня боковой супруг был сам не свой. Вчера в его глазах читались страх и паника, сегодня же во взоре сквозила тихая печаль и разочарование.

Это и впрямь походило на «душевную смуту», о которой твердил лекарь.

Наследный принц полагал, что причиной тому могли стать не только резкие слова Сяо Юня, но

и его собственное недоверие и тот допрос.

Сун Бэйяо не раз помогал ему и проявлял искреннее усердие. Пэй Цзи не собирался бросать его на произвол судьбы.

— Я слышал, в тот день Сяо Юнь приходил к тебе в павильон.

Юноша лишь слабо отозвался:

— Хм.

Дядя Чжан тут же подал голос:

— Господин Сун, если молодой маркиз наговорил вам лишнего, не принимайте это близко к сердцу. Его слова ничего не значат.

Голова Бэйяо была тяжёлой от жара. Он не совсем понимал, о чём идёт речь, но не стал расспрашивать.

— Я понял.

Голос его звучал гнусаво, веки отяжелели. Было видно, что он на грани изнеможения.

Пэй Цзи не стал задерживаться. Он поднялся:

— Я отдал приказ страже Яньнуань. Отныне ты волен входить и выходить из павильона, когда пожелаешь.

— Благодарю... муж мой, — вяло проговорил боковой супруг.

Стоило Его Высочеству уйти, как Бэйяо облегчённо выдохнул. Система тут же восторженно запрыгала.

«Хозяин, кажется, я начинаю понимать! Вы упустили такой шанс поднабрать очков удачи... Вы ведь сделали это нарочно?! Я недавно выучила новое слово — "динамо"!»

Сун Бэйяо закрыл глаза, уткнувшись лицом в подушку, и глухо ответил:

«В этот раз — нет»

Он просто смертельно устал. Сегодня он позволил себе воспользоваться болезнью как предлогом и просто отлынивал от работы.

На следующий день состояние Сун Бэйяо не улучшилось.

Вечер, столовая. Сяо Юнь смотрел на стол, уставленный изысканными блюдами и заморскими деликатесами, и не скрывал восторга:

— Братец Цзи! Неужели всё это для меня? Раньше ты в свой день рождения никогда не устраивал таких пиров!

В этот момент в залу вошёл Пэй Цзи. От него веяло уличным холодом, а лицо было суровым как никогда. Маркиз, подперев щёки руками, расплылся в улыбке:

— Братец Цзи такой статный! Настоящий мужчина! Только за такого и стоит выходить замуж!

Наследный принц снял припорошенный снегом чёрный плащ. Управляющий Чжан тут же принял его и почтительно доложил:

— Из павильона Яньнуань принесли вести. Боковой супруг ещё слишком слаб, чтобы подняться с постели, так что к ужину он не придет.

На лице принца не дрогнуло ни единого мускула.

— Понятно.

Его Высочество сел за стол. Юноша, сияя от счастья, придвинулся ближе со своей чашей, но Пэй Цзи тут же пересел на противоположную сторону.

Маркиз надул губы, явно собираясь закапризничать.

— Молодой маркиз, не сердчайте, — примирительно проговорил дядя Чжан. — Наследный принц не любит шума во время еды и предпочитает держать дистанцию. Даже в свой день рождения он не меняет привычек. То, что вы сидите за одним столом — уже великая милость.

Сяо Юнь мгновенно остыл:

— Что ж, верно.

В этот момент вошёл Цюй Лань.

— Ваше Высочество, боковой супруг прислал подарок.

Гость тут же нахмурился:

— Что ещё за фокусы он удумал?

— Внесите, — велел Пэй Цзи.

Вскоре появился Лин Фэн с коробом для еды в руках. Он склонился перед хозяином поместья:

— Ваше Высочество, мой господин сокрушается, что не может лично поздравить вас сегодня. В знак почтения он просит принять это пирожное из цветков груши.

Сяо Юнь, увидев Лин Фэна, округлил глаза:

— Ты ещё что тут делаешь?! — А услышав о подарке, презрительно фыркнул: — Пф-ф, я-то думал! Какая-то тарелка пирожных... Как не стыдно такое дарить? Ты только посмотри, что на этом столе!

— Открой, — приказал Пэй Цзи.

— Слушаюсь, Ваше Высочество. — Лин Фэн снял крышку и достал круглое блюдо. Сначала показалось, что на нём лежит один большой цветок, но приглядевшись, можно было увидеть пять маленьких пирожных, искусно сложенных вместе. Это выглядело необычайно изящно.

— Надо же, пирожные в форме цветов груши! — ахнул дядя Чжан.

Молодой маркиз бросил косой взгляд и снова усмехнулся:

— Да я таких сладостей на улицах видел сотни!

— Ваше Высочество, форму для этих пирожных мой господин нарисовал сам, и рецепт тоже придумал он. Он передал наставления поварам и заставил их переделывать несколько раз, пока не добился нужного совершенства, — добавил слуга.

Пэй Цзи внимательно изучал подношение. Лепестки казались пухлыми и нежными, с естественными изгибами, а сердцевина была украшена золотистой начинкой. Сверху каждое пирожное было присыпано крохотными сушёными лепестками груши.

Принц взял одно и откусил кусочек. Вкус был нежным, в меру сладким, а тонкий аромат груши мгновенно наполнил чувства.

Его Высочество прищурился.

О том, что он любит эти сладости, знали лишь единицы. Очевидно, Сун Бэйяо специально разузнал о его вкусах. Юноша и впрямь проявил усердие.

Лин Фэн продолжил:

— Мой господин также сказал, что ваш день рождения — это великая радость, и все близкие должны к ней приобщиться. Поэтому из этих пяти пирожных по одному положено управляющему Чжану, стражу Цюй Ланю и молодому маркизу.

Он сделал короткую паузу.

— А две оставшиеся — для Вашего Высочества.

Сяо Юнь вскочил, ударив по столу:

— Кто станет есть эту дрянь?! Сун Бэйяо совсем страх потерял! Мало того, что прислал какие-то огрызки, так ещё и смеет указывать, кому их есть!

— Хорошо. Пусть будет так, как он просил, — Пэй Цзи доел первое пирожное. На кончиках его пальцев, казалось, всё ещё ощущалась мягкость лепестков.

— Слушаюсь, господин. — Слуга по очереди поднёс угощение дяде Чжану и Цюй Ланю, и лишь в конце подошёл к маркизу.

Тот заупрямился, отвернув голову:

— Я не буду это есть! Ты оглох?

— Отказаться — значит не желать разделить радость Вашего Высочества, — вкрадчиво и почти угрожающе прошептал Лин Фэн.

— Ты... — Сяо Юнь поджал губы и нехотя принял сладость. С видом мученика, идущего на плаху, он откусил крохотный кусочек... и вдруг замер. Спустя мгновение он откусил ещё раз, а затем и вовсе съел всё до конца.

Когда пирожное закончилось, он с каким-то странным чувством посмотрел на свои пустые пальцы, а затем — на последнюю штуку на блюде.

Юноше хотелось ещё, но признать, что стряпня Сун Бэйяо ему понравилась, было выше его сил. После мучительных раздумий он выдавил:

— Гадость редкостная. Братец Цзи, тебе наверняка не нравится, давай я помогу тебе и доем его.

Пэй Цзи молча положил последнее пирожное в свою чашу. Ответ был очевиден.

Лин Фэн забрал блюдо и собрался уходить. Наследный принц окликнул его:

— Как сегодня боковой супруг?

— Немного лучше, чем вчера, но кашель не утихает, — отозвался Лин Фэн. — Аппетита совсем нет. Что ни съест — всё обратно. Весь день маковой росинки во рту не было.

Принц слегка нахмурился и обратился к управляющему:

— Дядя Чжан, проводи Лин Фэна в павильон Елань. Найди ту пилюлю, что прислал посол царства Юнь, и отдай ему.

Старик на мгновение замер, уточняя:

— Вы имеете в виду «Пилюлю божественного духа»? Ту самую, что исцеляет сотни недугов и служит противоядием от тысячи ядов? Ту, что существует в единственном экземпляре?

Сяо Юнь подскочил на месте:

— Братец Цзи! Такое сокровище! Ты не можешь просто так отдать её Сун Бэйяо! А если она понадобится тебе?

— Тьфу-тьфу-тьфу! — Дядя Чжан поспешно перебил его. — Наследный принц под защитой небесного дракона, ему такие снадобья ни к чему!

— Но всё же... — замялся гость.

— Ступайте, — отмахнулся Пэй Цзи. Он снова взял палочки, поднёс кусочек лакомства к губам, и в глазах его мелькнуло нечто сложное и нечитаемое.

<http://bllate.org/book/15365/1372852>